

**НЕФТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО НЕПЕРЕВОДА:
ХИКМЕТ, НЕГАРЕСТАНИ, ПАРЩИКОВ**

К. М. Корчагин

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-4

В 1927 году Назым Хикмет написал несколько стихотворений, в основу которых легли его впечатления от поездки в Баку. Они вошли в сборник «Песня пьющих солнце» (1928) и были в скором времени переведены на русский язык. Бакинский цикл стал одной из первых попыток символического изображения нефти в русской поэзии, во многом предвосхитив позднейшую поэтику нефти, которая полноценно разовьется только в 2000-е годы. На эти стихи Хикмета можно смотреть как на одну из первых попыток философской концептуализации нефти, которая десятилетия спустя нашла масштабное воплощение в «философском романе» «Циклопедия» Резы Негарестани, где нефть стала обозначением нового типа субъекта, одновременно текучего и взрывоопасного. С другой стороны, образ нефти будет играть ключевую роль в одноименной поэме Алексея Парщикова, где также можно уловить эхо бакинских стихов Хикмета. Для всех авторов нефть выступает радикальным выражением логики неперевода: это спрессованная память о древности, к которой невозможно получить прямой доступ; ее тайну невозможно раскрыть, потому что в каком-то смысле она не содержит тайны. Подобная парадоксальная семиотика нефти приводит всех троих авторов к идее о чуждости нефти человеческому миру и ее особой античеловеческой агентности.

Ключевые слова: *неперевод, культурная аккомодация, Назым Хикмет, Реза Негарестани, Алексей Парщиков, семиотика нефти*

1

В 1927 году, на закате первого авангарда, Назым Хикмет напишет несколько стихотворений, в основу которых лягут его впечатления от поездки в Баку, столицу советского Азербайджана. Они войдут в его дебютный сборник «Песня пьющих солнце» (*Güneşi İçenlerin Türküsi*, 1928), изданный еще в старой арабской графике, и будут в скором времени переведены на русский. Среди этих стихов особо выделяются те, которые посвящены нефти: Баку в то время был фактически столицей советской нефтяной промышленности, и присутствие нефтяного промысла в городе было более чем ощутимо¹. Два текста, «Путешествие к

© Корчагин К. М., 2023

¹ О ранней истории вопроса см.: (Балаев, 1969); о культурной истории нефтедобычи: (Эткинд, 2020).

нефти» и «Ответ нефти», почти сразу были переведены одним из ведущих поэтов Литературного центра конструктивистов Эдуардом Багрицким в соавторстве с его молодым учеником, Николаем Дементьевым². При этом, хотя русские издания Хикмета и Багрицкого указывают, что оба стихотворения были включены в бакинскую книгу, в ней обнаруживается только первый из них, в то время как второй отсутствует и там, и во всех других собраниях произведений Хикмета. Во втором — сохранившемся только в русском варианте — стихотворении ключевую роль играет небольшой фрагмент, оставленный без перевода и требующий дополнительной интерпретации: такой неперевод позволяет поместить нефть в ряд мистических сущностей, чуждых человеческому миру. Однако у использования этого приема есть своя предыстория, а также ряд следствий, которые будут рассмотрены ниже.

Первые литературные шаги Хикмета были прочно связаны с Советским Союзом: он проводит в Москве шесть лет (1922–1928), учится в Коммунистическом университете трудящихся Востока, который был одной из первых попыток советского государства участвовать в международной культурной политике посредством подготовки кадров для культурной и политической борьбы в родных странах. Литераторы, впрочем, не играли центральной роли среди студентов КУТВа — самыми известными его выпускниками были политики — прежде всего, Хо Ши Мин и Дэн Сяопин³. В Москве Хикмет увлекается политическим искусством Владимира Маяковского и Всеволода Мейерхольда и глубоко погружается в поэтическую и художественную среду того времени — этому посвящен, в частности, поздний автобиографический роман «Жизнь прекрасна, братец мой» (*Yaşamak güzel şey be kardeşim*, 1962); творческие влияния и связи, возникшие в эти годы, продолжали так или иначе влиять на поэта всю жизнь (Djagalov, 2020, p. 118–121).

При этом отношения с московской богемой складываются у Хикмета неоднозначно: сначала он примыкает к ЛЕФу и Маяковскому, затем уходит от них к главным противникам лефовцев, конструктивистам⁴; действительно, чувственная манера Хикмета, соединявшего националь-

² Дементьеву посвящено одно из самых известных стихотворений Багрицкого «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым». Багрицкий, по всей видимости, видел в Дементьеве продолжателя собственного дела, однако эта надежда так и не оправдалась: Дементьев покончил с собой вскоре после смерти Багрицкого, в 1935 году.

³ О жизни Хикмета в этот период см.: (Clark, 2021, p. 43–82). Подробнее о литераторах, обучавшихся в КУТВе, см.: (Djagalov, 2020, p. 43–52). Багрицкий был родом из крупного причерноморского города, Одессы и, кажется, считал себя принадлежащим к тому же культурному пространству, что и родившийся в Стамбуле Хикмет.

⁴ Как вспоминал сам Хикмет: «Два раза [я] выступал с ним (Маяковским. — К. К.) в Университете. Кто-то мне сказал, что футуристы отрицают психологию. Мне это не понравилось. Я пошел к конструктивистам. Маяковский сказал: “Турок-ре-негат”. Когда я выступал с конструктивистами, мне бросали в голову большие книги» (Бабаев, 1975, с. 93).

но-освободительную повестку с традиционной поэтикой персидско-туркской газели и народным песенным стихом, во многом напоминала поэзию конструктивистов⁵. Правда, в то время поэт еще не вполне твердо владел русским языком: тех поэтов, которые окружали его в Москве, он сможет внимательно прочесть только много лет спустя, когда вернется в столицу СССР после долгого тюремного срока на родине, в 1951 году. О лидерах московской литературной сцены того времени Хикмет будет вспоминать ретроспективно, когда бури литературных битв уже отгремят, и именно тогда он упомянет Багрицкого среди близких себе лириков, а влияние Маяковского, напротив, будет отрицать, утверждая, что к схожей форме стиха они пришли независимо друг от друга (Fuat, 2021, s. 61 – 62)⁶.

До описываемых в этой статье событий Хикмет уже бывал в Баку — в 1921 году, когда он был еще начинающим поэтом, а Азербайджан только присоединился к советской России. Этот богатый нефтью регион пережил краткий и турбулентный период независимой государственности в 1918–1920 годах, закончившийся драматической Бакинской операцией⁷. Следующее путешествие Хикмета на побережье Каспийского моря было уже более продуктивным: в 1927 году он приезжает сюда как звезда молодой левой литературы. Этот визит можно считать своего рода тренировкой перед решением тех более основательных и сложных культурных задач, с которыми поэту и революционеру предстояло столкнуться на родине и которые в конце концов окончились серией арестов и тюремных заключений.

Культурная жизнь в Азербайджане двадцатых годов была довольно интенсивна: в первой половине десятилетия в Бакинском университете преподавал корифей символизма Вячеслав Иванов⁸, какое-то время под началом Сергея Городецкого функционировало отделение Цеха поэтов, проездом там бывали Алексей Крученых, Велимир Хлебников, а затем и Сергей Есенин, который даже предпринял своего рода «крещение» бакинской нефтью и написал цикл стихов, вдохновленный, пусть

⁵ О поэтике Хикмета в связи с османской поэтической традицией см.: (Стеблева, 2012, с. 184–193).

⁶ Советский биограф Хикмета Радий Фиш замечает, что, несмотря на нетвердое владение русским, Багрицкий и Хикмет в 1920-е годы стали довольно близкими друзьями (Фиш, 1984, с. 84). Фиш представлял биографию поэта в значительно беллетризованной форме, стилистически напоминающей прозу самого Хикмета, тем не менее он основывался на материалах бесед с поэтом, которые велись на протяжении двенадцать лет. Две его книги о Хикмете (том серии «ЖЗЛ» 1968-го и отдельное издание 1984 года) довольно сильно отличаются друг от друга, в том числе и объемом, хотя обращаются в основном к тому же материалу.

⁷ Художественному изображению Бакинской операции посвящен роман Александра Гольдштейна «Помни о Фамагусте» (2004).

⁸ Этот период жизни Иванова отражен в дневниках его ученика М. С. Альтмана, который также оставил записи разговоров со своим учителем (Альтман, 1995).

и несколько поверхностно, местной культурой⁹. Но роль Хикмета в этом ряду была особой: он был не только одним из столпов нового левого авангарда, но и своего рода медиатором между советской культурой, претендующей на интернациональность, и тюркоязычным миром: советское правительство стремилось включить вновь приобретенные территории в орбиту отнюдь не только политического влияния, и лучшей кандидатуры для этого, чем Хикмет, невозможно представить¹⁰.

Азербайджан — регион, где традиционно проходила культурная и языковая граница между суннитской Османской империей и шиитским Ираном: до русско-персидских войн современная территория Азербайджана входила в состав державы Каджаров, а еще раньше здесь жили великие поэты — такие, как Низами, происходивший из города Гянджи и писавший стихи не только персидском, но и на местном варианте тюрки. При этом, несмотря на долгое доминирование в регионе персоязычной культуры, в языковом отношении Азербайджан был куда ближе Османской империи: азербайджанский и турецкий не только относятся к одной (огузской) группе внутри тюркских языков, но и в целом очень близки друг к другу, почти как диалекты одного языка (Гаджиева, 1996). Последнее немаловажно в случае Хикмета: в отличие от русских поэтов, он мог бы войти в непосредственный контакт с местной культурой и потенциально направить развитие азербайджанской пролетарской литературы по тому сценарию, который был бы желателен для Москвы.

Хикмет в Баку действительно завел обширные связи, активно публиковался в местной прессе и чувствовал себя достаточно комфортно в этом новом контексте — именно здесь появилась первая и сразу восторженная статья о его творчестве за авторством Али Назыма и, как уже упоминалось, вышла первая книга стихов. Его влияние на молодую азербайджанскую поэзию было огромно и в формальном, и в содержательном плане — под впечатлением от поэзии Хикмета местные поэты начинают осваивать свободный стих и новую эстетику, где переплета-

⁹ Ср.: «...в один из вечеров, во время посещения нефтяных промыслов Биби-Эйбата, поэт неожиданно подбежал к открытому резервуару, наполненному нефтью, и, чуть помедлив на самом краю, бросился вниз. Испуганные спутники Есенина бросились ему на помощь, вытащили, помогли в море смыть нефть. В результате этого случая поэт и оказался в бакинской больнице им. Рогова с сильнейшей простудой. Непряхин, навесивший Есенина в больницу, запомнил его слова, сказанные с полной серьезностью: “Это мое второе крещение — крещение нефтью”» (Лекманов, Свердлов, 2012, с. 516).

¹⁰ О более раннем, дореволюционном этапе такого посредничества, связанном преимущественно с распространением идей пантюркизма, см.: (Meyer, 2014); также см. написанную тем же автором биографию Хикмета, где используется во многом сходная методология, но не затрагиваются интересующие нас сюжеты: (Meyer, 2021). Такого рода культурная работа, конечно, не ограничивалась поэтическими командировками: уже в 1920 году в Баку состоялся Первый съезд народов Востока, призванный показать столицу Азербайджана советским культурным и политическим плацдармом.

ются политическое и лирическое (прежде всего это заметно на примере ровесников поэта — Микаэля Рафили и Сулеймана Рустама, с которыми Хикмет познакомился еще в годы учебы в КУТВе (Clark, 2021, р. 64))¹¹. В следующий раз поэт окажется в Азербайджане только тридцать лет спустя, но влияние его первого визита будет чувствоваться все это время: множество молодых поэтов будут стремиться подражать ему — например, ставший приятелем Хикмета Расул Рза, который был слишком молод, чтобы застать его в 1920-е годы. При этом в русскоязычном контексте бакинский период поэта остался практически неизвестным, зато широкое распространение получили стихи, в которых он описывал дорогу в советскую нефтяную столицу и первые впечатления от нее. Популярности этих стихов способствовал и перевод Багрицкого — Дементьева, вписавший их в формальные поиски конструктивистов. Но помимо прочего они стали одной из первых попыток символического изображения нефти в русской поэзии.

История взаимоотношений русской словесности с нефтью может рассматриваться в контексте общей для европейской и американской культуры последних двух веков диалектики природного и технического¹². При этом именно в русской поэзии нефть фигурирует лишь спорадически¹³, привлекая поэтов либо как амбивалентный визуальный образ («золотая патока радужной нефти» у Михаила Зенкевича или «Волоса густые, как нефть» у Маяковского), либо как одна из составляющих советского индустриального подъема, пусть даже двусмысленного и нередко жестокого (у Владимира Нарбута: «Жираф-экскаватор, туши и жиры — / Как тут обмозговано, полнокровно, / Нефть, уголь и хлеб — / Утробные пиры!..»). Главные характеристики нефти — текучесть, густой черный цвет, способность переливаться и разливаться (все три характеристики совмещаются у Пастернака: «нефть разлившейся зари»). Однако даже в индустриальные 1920-е годы поэты редко пишут о нефти, и стихи Хикмета восполняют эту лакуну, став для русской поэзии, по сути, первым прецедентным текстом такого рода.

2

У Хикмета нефть — не только емкий визуальный образ, как у Пастернака или Маяковского, и символ индустриального прогресса, хотя эти смыслы в его бакинских стихотворениях, безусловно, присутствуют; для него она — субъект политики, обладающий собственной волей, полноценный участник будущей мировой революции. Так описывается Баку в «Ответе нефти»:

¹¹ Подробнее см.: (Ahmadov, 2019), а также подробную летопись отношений Хикмета с азербайджанской культурой: (Kavlak, 2007).

¹² Об эстетике нефти в американской культуре см.: (LeMenager, 2014, р. 66 — 101).

¹³ Об истории нефти в русской поэзии см. главу «Концепт *нефть* в русском поэтическом дискурсе» в работе: (Орлова, 2012). О позднейшей культурной истории нефти в русской литературе см.: (Калинин, 2019).

Я прохожу по городу черных циклопов,
 Вызванных нами из-под земли.
 Мы им построили город,
 Протоптали тропы,
 Сбили костяк
 И глаза зажгли.

Сейчас, когда гиганты спят
 В своих глубоких черных постелях,
 В двери каждого дома
 Мои кулаки стучат,
 Будят голос гигантов
 В костлявом, промасленном теле.

(Багрицкий, 1964, с. 458)

Понятая таким образом нефть предстает словно бы ожившей визуализацией к более поздним идеям Брюно Латура, который в программной книге «Нового времени не было» (1991)¹⁴, обобщая работы своих единомышленников-социологов и комментируя их сосредоточенность на таких объектах, как «спираль лампы накаливания» или «бактерия сибирской язвы», подчеркивает, что в подобных исследованиях «рассматривается не природа или знание, не вещи-в-себе, но то, как эти вещи вовлечены в наши коллективы и в наши субъекты» (Латур, 2006, с. 62). Способность нефти служить своего рода посредником между миром природы и миром культуры, как это изображает Хикмет в образах нефтяных великанов — то ли рабочих нефтепромысла, испачканных с головы до ног, то ли персонифицированных ступков нефти или нефтяных вышек — показывает переходный статус нефти, ее принадлежность одновременно и природному, и человеческому миру. В то же время образы нефтяных великанов задают визионерское измерение поэмы, напоминающее и о принципе локальной семантике конструктивистов, и о мистическом прогрессизме у поэтов Пролеткульта¹⁵.

Отдельный интерес представляет форма перевода: общеизвестно, что Хикмет был одним из пионеров свободного стиха, вошедшего в турецкую и другие тюркоязычные литературы почти одновременно с отказом от арабской графики, которая позволяла с большей легкостью следовать правилам традиционной метрики, изначально построенной на счете долгих и кратких слогов¹⁶. Этот новый свободный стих тем не

¹⁴ Пожалуй, в нашем контексте было бы вернее перевести ее французское название, «Nous n'avons jamais été modernes», как «Мы никогда не были современными» или даже «Мы никогда не были модерными».

¹⁵ Ср. в «Декларации конструктивизма»: «Принцип грузофикации в применении к поэзии превращается в требование построения стихов в плане локальной семантики, т. е. развертывания всей фактуры стиха из основного смыслового содержания темы» (Зелинский, 2015, с. 94–95).

¹⁶ См. обзор нового тюркского стихосложения в: (Орехов, 2019, с. 22–42); также см.: (Thiesen, 1982, p. 217–226; Andrews, 1976).

менее сохранял определенную генетическую связь со старыми формами: изобилдовал спорадическими рифмами и созвучиями, обращался к узнаваемым ритмам, ведя генеалогию не только от ученой метрики аруза, но и от народного силлабического стиха, которым Хикмет увлекался с юности. Отчасти в силу «напевности» стиха Хикмета, а отчасти потому, что сам поэт воспринимался как турецкий аналог Маяковского, переводчики выбрали отсылающую к последнему форму. Размер «Ответа нефти» можно определить как вольный акцентный стих с регулярной рифмовкой; практически такая же форма, только с вольной рифмовкой, используется в «Путешествии к нефти». Характерно, что начиная с этих ранних опытов Багрицкого и Дементьева достаточно быстро складывается традиция переводить свободный стих Хикмета рифмованным стихом — чаще более регулярным, но иногда и относительно свободным. Уже в 1950-е годы поэт, живший в Москве и читавший советскую периодику, был недоволен этой практикой и даже опубликовал автоперевод программного стихотворения «Моя молодость»: в «Дне поэзии» за 1957 год, чтобы таким образом указать переводчикам на допускаемую ими систематическую ошибку¹⁷.

Подобный формальный аспект, в общем-то случайно ставший спутником ранних стихотворений Хикмета, в дальнейшем сыграет немаловажную роль в рецепции бакинского цикла. Другая характерная черта — явный антропоморфизм нефти, который сам по себе привлекает внимание: в своем естественном, *текущем* и *вязком*, состоянии нефть с трудом поддается описанию, она должна быть каким-то образом «квантифицирована», превращена в отдельную порцию или «единицу нефти», которая, в свою очередь, уже сможет действовать самостоятельно. Нечто похожее мы слышим и в повседневных разговорах, когда говорят о баррелях (то есть, буквально, бочках) нефти, обсуждая ее цену и влияние на глобальную экономику. Плохая «квантифицируемость» нефти сыграла значительную роль в «постэкологической» концепции Гимоти Мортон, сформулировавшего идею так называемых гиперобъектов, не в последнюю очередь отталкиваясь от изучения того культурного контекста, в котором циркулируют образы нефти. Мортон обозначает ключевое качество гиперобъекта словом, которое обычно используется при описании агрегатных качеств нефти, — *viscosity*, русский перевод которого — *текучесть* или *вязкость* — заведомо не передает всех возможных смысловых оттенков. «Вязкость» нефти и других гиперобъектов делает их присутствие в реальности особенно настойчивым и ощутимым; как пишет Мортон, «чем больше вы хотите освободиться от гиперобъектов, тем больше вы впутываетесь в них» (Morton, 2013, p. 36).

Поэт стремится превратить нефть в пространственно ограниченный объект, наделить ее антропоморфными чертами «черных циклопов», но «вязкость» нефти противится любым ограничениям, а возлагаемая на нефть утопическая надежда как будто опровергается готическим образом «вязкой могилы», в которой до поры спит нефть:

¹⁷ Об этом сюжете см.: (Орлицкий, 2021).

Скажи, Нефть,
 Отвечай, Нефть,
 Ты, от которой огни зажжены,
 Готова ли бросить
 Свой пыл и гнев
 На защиту нашей страны?
 И вдруг, закачавшись в сырой постели,
 Из вязкой своей могилы
 Ответила Нефть:
 — Хазырам. Бэли.
 Язык Нефти — язык силы.
 (Багрицкий, 1964, с. 460)

Любопытно, что два слова оставлены здесь без перевода. Издания сообщают, что это значит «Готова. Да» по-азербайджански: действительно, по-турецки первое слово будет звучать похоже, но несколько иначе (*hazırım*, а не *hazıram*), а второе, персидское заимствование *beli* (азерб. *bəli*), употреблялось в старом языке, но затем было вытеснено тюркским словом *evet*.

Тем не менее эта короткая фраза, безусловно, понятна носителю турецкого, и то, что нефть отвечает по-азербайджански, — всего лишь небольшой языковой сдвиг, в то время как по-русски она остается совершенно непонятной. Трудно сказать, кому принадлежала идея не переводить то, что отвечает нефть, — автору или консультировавшимся с ними переводчикам, но само по себе это показательно: нефть, хотя и циркулирует внутри человеческого мира, остается чуждой ему, ее слова непонятны или не до конца понятны, по крайней мере для русскоязычных читателей. Отказываясь от перевода этой реплики, переводчики (а может, и сам поэт) привлекают внимание к «некоммуникативной» природе нефти, ее исключенности из повседневного порядка вещей.

Тема встречи с нефтью продолжается в более пространной поэме «Путешествие к нефти», написанной в жанре поэтического травелога: ее герой, в котором однозначно узнается сам Хикмет, путешествует на поезде из Москвы в Баку, проезжая Ростов-на-Дону, Донецк и кавказские города, чтобы достичь советской нефтяной столицы. Пассивность ожидания пассажиров поезда «Москва — Баку» противопоставляется здесь активности нефти: она понимается как магическая кровь земли, а ее скрытое движение в недрах аналогично движению поезда по поверхности — это мистическая изнанка повседневности путешественника. Благодаря текучей и скрытой природе она способна связывать различные регионы мира друг с другом, оживлять их как кровь оживляет части человеческих тел. Для поэта открытие подлинной природы нефти оказывается настолько значимым, что он практически не видит города назначения: прикаспийский Баку выглядит только декорацией для сцены встречи с нефтью. Травелог Хикмета по-своему встраивается в долгую традицию путешествий в поисках скрытого смысла вещей — столь популярную на Ближнем Востоке и в Средней Азии, особенно в суфийской среде, и отразившуюся, например, в поэме Атгара «Язык птиц»¹⁸.

¹⁸ См., напр.: (Лахути, 2021).

В то же время такой тип повествования можно связать с двумя своего рода «субжанрами», сформировавшимися, согласно Россену Джагалову, в новых колониальных литературах под влиянием советской культуры, — это так называемый «нарратив производственно-сбытовых цепочек» (*supply-chain narrative*), который прослеживает связи между производством на колониальной территории и потреблением на Западе (Djagalov, 2020, p. 122), и «железнодорожный нарратив» (*railway narrative*), который изображает путешествующего на поезде персонажа на фоне колониального ландшафта, позволяющего ему почувствовать невидимую связь с нацией в целом (Ibid., p. 125)¹⁹. Второй из таких нарративов Джагалов рассматривает на примере итогового произведения Хикмета, огромной поэмы «Человеческие ландшафты моей страны» (*Memleketimden insan manzaralari*, 1938–1950), которая была сочинена во время тюремного заключения и которая не полностью сохранилась. Уже в самом поэмы начале встречаются следы и первого нарратива — в описании стамбульского вокзала Хайдарпаша: с этого, ныне не функционирующего вокзала, отправлялись поезда на восток Турции — в Анатолию, самую индустриально отсталую часть страны. Именно туда (правда, на корабле, а не на поезде) Хикмет бежал в январе 1921 года, спасаясь от политических преследований со стороны оккупационной администрации Стамбула, и считается, что именно там, под влиянием впечатлений от нищей сельской жизни, он отказался от традиционного рифмованного стиха как неспособного вместить в себя драму повседневности (Фиш, 1984, С. 36–37, 56–57). Кроме того, по этой железнодорожной ветке какое-то время циркулировал беспересадочный вагон «Стамбул–Москва». Все эти контексты возникают уже в первых строках поэмы:

На вокзале Хайдарпаша
весной 1941 года
 в пятнадцать часов.
На лестницах солнце
 усталость
 и суета.
Вот на лестнице
 человек,
 он о чем-то задумался.
Худой.
Пугливый.
С длинным и острым носом
С изрытыми оспой щеками.
Человек на лестнице —
 Галип Уста —
 знаменит тем,
что думает о странных вещах...²⁰

¹⁹ Джагалов отмечает, что такой нарратив особенно часто встречается в произведениях Мулька Раджа Ананда о Пенджабе.

²⁰ Перевод по изданию: (Hikmet, 2002, s. 11). Хикмет описывал задачу этой поэмы следующим образом: «1. Я хочу, чтобы, прочтя эти 12 тысяч строк, читатель прошел через кипящее людское столпотворение. 2. Я хочу, чтобы это столпотворение стало для читателя конкретным выражением социальной структу-

В контексте «Человеческих ландшафтов» бакинские стихи 1920-х годов можно воспринимать как своего рода подготовку к созданию большого полотна: в пунктирном и конспективном виде здесь уже присутствуют те мотивы, которые спустя несколько десятилетий развернутся в большой поэме. Прежде всего, это два упомянутых выше нарратива, разве что вместо деколониальной критики и попыток условно реалистического изображения современников ранний Хикмет рисует утопические картины советского Азербайджана. Однако, по всей видимости, ему было не так легко отделаться от мыслей о колониальной эксплуатации: характерно, что финальная часть поэмы, где композиционно должно было бы находиться описание бакинского нефтепромысла, — одна из самых кратких и лаконичных — в отличие от предыдущих, где поэт со свойственной ему педантичностью перечисляет различные путевые впечатления:

Я удивленно смотрю на Баку,
Вдыхая дух маслянистой жары,
Как будто смотрю на фосфорный купол
Пльвущей в песках горы.

Как мне хочется кинуться
В омут ночи
И бежать, и петь, и кричать на бегу,
Как не пел, не кричал и не бегал давно,
Целовать этих черных людей.

В замасленных рубашках рабочих,
Падать ниц
На святую землю Баку
И глотать эту нефть,
Как черное вино

(Багрицкий, 1964, с. 471).

Знаменательно, что одной из станций на пути к Баку оказывается Донецк, столица угольного региона, вольно или невольно представляющая промежуточной стадией на пути к подлинно освобождающей индустриализации посредством нефтедобычи и потому в большей мере до сих пор подверженная колониальному способу хозяйствования. На Донбассе пассажирам впервые открывается зрелище черных одежд и покрывающей все угольной пыли («Черная одежда в Донбассе не траур» (Там же, с. 486)), которое оказывается своего рода прелюдией к встрече с

ры Турции в определенный исторический период, показанный через людей, принадлежащих к самым разным классам. Выражением, естественно, не застывшим, а диалектическим, текущим. 3. Я хочу, чтобы на втором плане было ясно видно состояние мира, окружающего турецкое общество в определенный период. 4. Я хочу в своей области, максимально используя все имеющиеся в моем распоряжении возможности, дать ответ на вопрос: кто мы, откуда и куда мы идем» (цит. по: Фиш, 1984, с. 232). При всем внимании официальной советской печати к Хикмету эта поэма так и не была переведена на русский целиком.

бакинской нефтью, где столь же черная и так же извлеченная из недр земли субстанция предстает уже в новом, текучем и вязком виде. Поэт подготавливает встречу читателя с нефтью, подчеркивая, что по мере приближения к Баку вокруг становится все больше черного цвета: уголь, ночь, паровозный дым — из этих элементов затем складывается образ нефти.

Наконец, в финальных строках нефть становится «черным вином», напрямую отсылая к той мистической традиции, к которой Хикмет, несмотря на свои коммунистические симпатии, был привязан с детства — традиции Джалаледдина Руми, патрона суфийского ордена Мевлеви (Тримингэм, 1989, с. 59–61). Руми, несмотря на то что писал на классическом персидском, считается в Турции национальным поэтом — благодаря тому, что жил в анатолийском городе Конья, и тому, что основанный его учениками суфийский орден играл важную роль в духовной жизни Османской империи, как во многом и современной Турции²¹. В этом ордене состоял и дедушка поэта, Мехмед Назым-паша, который читал ему в детстве «вместо бабушкиной колыбельной... стихи “Месневи”» (Хикмет, 2013, с. 22)²². В шестнадцать лет Хикмет поэт написал короткую и еще очень традиционную по форме газель «Мевляна», где он называл себя мюридом Руми — его учеником на пути духовного странствования:

Преграду черной тьмы я к вечности прорву.
Найдя в себе любовь, подобен я царю.
Очистившись душой, я пред тобой стою.
И вот я твой мюрид, о Мевляна!
(Фиш, 1984, с. 20)²³

О том, что Хикмет и в более поздние годы интересовался творчеством Руми, свидетельствует хотя бы тот факт, что на турецкий его активно переводил ученик Хикмета А. Кадир (Абдулькадир Меричбой): они познакомились в тюрьме, когда Хикмет и несколько курсантов Анкарского военного училища находились там по сфабрикованному обвинению в попытке осуществления государственного переворота (Фиш, 1984, с. 167–204)²⁴.

Руми, как известно, не оставил систематических философских работ, но, отвлекаясь от частных деталей, его можно рассматривать как популяризатора суфийского учения в том виде, в каком оно изложено у Ибн Араби, крупнейшего мыслителя арабского мира²⁵. Главная тема поэзии

²¹ Ср., например, размышления об истоках ордена в «Черной книге» Орхана Памука.

²² Также см.: (Фиш, 2000).

²³ Перевод Радия Фиша. Любопытно, что Фиш, переводчик и биограф Хикмета, под влиянием последнего увлекся поэзией и философией Руми и написал о нем популярную книгу. В позднейших воспоминаниях Хикмет утверждал, что написал это стихотворение, чтобы порадовать деда (Fuat, 2021, s. 233).

²⁴ А. Кадир посвятил этому эпизоду отдельную книгу (Kadir, 1967).

²⁵ О непосредственном влиянии учения Ибн Араби на Руми см.: (Chittick, 1993) и др. работы этого автора.

Руми в целом и его главного труда, поэмы «Маснави» в частности хорошо известна — необходимость обретения единства с Богом (араб.-перс. *tawhīd*) и восприятия мира как сосуда для божественной милости и любви²⁶. В IV книге своей поэмы Руми цитирует знаменитый хадис о Боге как скрытом сокровище, встраивая его в собственную концепцию поиска скрытых оснований мира:

Среди сотворенных есть чистые духом,
[А] есть и темные духом, погрязшие в глине.

Эти раковины не все одного достоинства:
В одной — жемчуг, в другой — гагат.

Необходимо выявление [различий] этого благого и отталкивающего,
Так же как выявление [различий] между пшеницей и соломой.

Для такого выявления и существуют эти создания в мире,
Чтобы сокровище [зерен] мудрости не оставалось сокрытым.

Сказал Господь: «Я был скрытым сокровищем», внемли!
Не теряй свою сущность, яви ее!

(Руми, 2010, с. 260)

Другими словами, мир понимается здесь как непрерывное раскрытие различных аспектов божества, а единство с этим миром посредством любви — как единение с трансцендентным. Для такого видения характерна известная диалектичность: если все, что открывается в мире, — аспекты Бога, значит таковыми оказывается не только благое, но и дурное — не только свет, но и тьма; и эти полюсы, как говорят исследователи Руми, может примирить только любовь, сводящая их воедино (Chittick, 2017). Отчасти поэтому Руми (как, впрочем, и Ибн Араби) нередко обвиняют в скрытом пантеизме: мир для него — текуч и неуловим, а противоположности в нем стремятся к тому, чтобы примириться друг с другом посредством энергии любви²⁷. Подобный взгляд отзывается в бакинских стихах Хикмета, где нефть персонифицируется в различных образах и предметах, чтобы в конце концов остаться неуловимой и текучей, но тем не менее разлитой в мире словно божественная любовь, как (черное) вино, которое в суфийской литературе всегда обозначает характерную спутанность сознания, возникающую от близости

²⁶ Ср.: «Целью суфизма является единение с Божественным, которое является итогом любви человека к божественной Красоте. Это единение в целом понимается в аспекте постепенного очищения сердца и достижения различных духовных добродетелей, приводящего в итоге к состоянию “самоуничтожения” (*fanā*) и “пребывания” (*baqā*)» в Божественном» (Наср, 2014, с. 125; также см.: Насыров, 2012, с. 360–385).

²⁷ Ср.: «Плохого не знаешь, пока не знаешь хорошего, / Противоположное познается противоположным, о юноша!» (IV, 1345) (Руми, 2010, с. 134) Или: «Свету Истинного нет противоположности в существовании, / чтобы через противоположность Его можно было найти» (I, 1134) (Руми, 2007, с. 94).

трансцендентного. В каком-то смысле нефть у Хикмета и оказывается той *раскрытой*, извлеченной из недр земли тайной, текучим смыслом, который связывает разрозненные аспекты мира воедино²⁸.

3

На бакинские стихи Хикмета можно смотреть как на одну из первых попыток создания своего рода философии нефти — то, что в двухтысячные годы получит яркое выражение у другого автора родом с побережья Каспийского моря — Резы Негарестани: в его философском романе «Циклопедия» (2008) нефть становится обозначением нового типа субъекта, одновременно текучего и взрывоопасного, чуждого человеческому миру. Для живущего в США Негарестани, роман которого во многом можно рассматривать и как ностальгическое повествование о родном Иране, и как своего рода оккультно-конспирологическое прочтение ближневосточной политики в духе мистификаторских трудов группы CCRU, нефть — это ключевой элемент культуры и природы региона, тот узел, который связывает все разрозненные и причудливые аспекты ближневосточной реальности воедино, своего рода тотальный «нарративный организатор», ведь «в этом мире нет темы, которая не отражалась бы в нефти» (Негарестани, 2019, с. 21)²⁹. При этом Негарестани словно бы подхватывает то понимание нефти, которое в романтическом ключе возникает у Хикмета, описывая этот миф почти теми же словами: «Миф об ископаемом Топливе связан с институционализацией религиозных ожиданий в нефтяной индустрии: с каждой вещью, произведенной из нефти, мы становимся чуть ближе к Богу» (Там же, с. 29).

В небольшом эссе об этом романе Михаил Куртов предлагает интересную интерпретацию задачи, стоявшей перед Негарестани, — раскрыть политическую и экономическую сущность географии Ближнего Востока с характерным для нее чередованием засушливых областей и оазисов, горных цепей и песчаных дюн, величественных полноводных рек и пересыхающих вад, райских побережий и суровых пустынь³⁰. «Циклопедия» предстает романом о переводе одних категорий (географических) в другие (экономические и политические), а протагонист романа, нефть, — средством такого перевода: после того, как она извлечена из земли (география), она становится активным участником и

²⁸ Ср.: «Она (нефть. — К.К.) может быть описана как органическая субстанция далекого прошлого, актуализация которого приводит к высвобождению энергии, обладающей не только физическими свойствами, но и историческим — равно как и мифологическим — зарядом» (Калинин, 2019).

²⁹ Об оккультном слое романа см.: (Реgev, 2019); относительно других аспектов см. сборник: (Lerer Creativity, 2012) и особенно статью Юджина Такера в нем (р. 173–180).

³⁰ Ср.: «Ближний Восток является “живой и разумной сущностью” потому, что он помещен в такую “карту перевода”, где его географическая позиция увязана с его политическими ставками через экономическое значение содержащихся в его недрах углеводородов» (Куртов, 2020).

экономических, и политических процессов. Но так же, как нефть можно считать вспомогательным средством перевода одних понятий в другие, ее можно считать и радикальным выражением логики *неперевода*: это спрессованная память о древности, к которой невозможно получить доступ, — она остается глуха к попыткам раскрыть ее тайну, потому что в известном смысле никакой тайны она не содержит. Кажется, именно такое столкновение между «смыслом» нефти и его отсутствием приводит Негарестани к идее о чуждости нефти человеческому миру и ее особой античеловеческой агентности³¹.

Спустя почти сто лет после бакинских стихов Хикмета Алексей Парщиков напишет небольшую поэму «Нефть», программную для его позднего творчества. Хорошо известно, что он был внимательным читателем Багрицкого, а в собраниях произведений последнего, например в соответствующем томе «Библиотеки поэта», почти всегда приводятся переводы разбиравшихся выше стихотворений Хикмета; к тому же этот цикл довольно часто упоминался в советской печати и переиздавался почти в каждом новом томе произведений уже самого Хикмета, а последние в Советском Союзе выходили довольно часто³². В свою очередь, в кругу поэтов-метареалистов, к которому принадлежал Парщиков, существовал устойчивый интерес к Багрицкому, и в стихах Парщикова 1980-х можно увидеть напоминающие о нем мотивы (самый яркий пример — поэма «Я жил на поле Полтавской битвы», во многом перекликающаяся с «Думой про Опанаса») ³³. «Нефть» в этом контексте выглядит как эхо той же литературной традиции, напоминая о хикметовском претексте как мотивной структурой, так и устройством стиха: здесь используется тот же вольный акцентный стих с перекрестной рифмовкой, что и в переводе Багрицкого — Дементьева, у которых он, правда, несколько замаскирован вольной разбивкой на строки³⁴.

В письме к американскому переводчику «Нефти» Сергею Левчину Парщиков перечисляет и описывает ключевые мотивы поэмы, во многом приближаясь к тому образу нефти, который через несколько лет найдет воплощение в «Циклопедии» Негарестани. Здесь речь идет и о неразгадываемой загадке нефти («Я не предполагал, что нефть озна-

³¹ Ср. один из способов описывать нефть в «Циклопедии», также напоминающий то, как видит ее Хикмет: «Углеводородная Группная Жидкость. Постапокалиптическая сущность, которая состоит из органических трупов, сплюснутых, наваленных и разжиженных в осадочных бассейнах (мегакладбищах). <...> Нефть как продукция организмов *post-mortem* неразрывно связана со смертью» (Негарестани, 2021, с. 29).

³² Напр., в небольшом эссе Николая Асеева, которое многократно перепечатывалось: (Асеев, 1951).

³³ Ср. сообщение Максима Шраера: «И. Кутик сообщил мне, что И. Бродский охарактеризовал поэзию А. Парщикова следующим образом: “Он хочет переплюнуть Багрицкого метафорами”. Кутик также сообщил, что среди членов его литературной группы (метафористов / метареалистов) особенно популярны были стихотворения Багрицкого “От черного хлеба и верной жены...” и “Весна”» (Шраер, 2000, с. 272).

³⁴ Описание метрического репертуара Парщикова см.: (Брейдо, 2022).

чает что-то кроме самой себя» (Парщиков, 2019, с. 316)³⁵), и о нефти как «планетарной крови», «промежутке между органикой и неорганикой», о специфической политической теологии нефтяного промысла («Нефть — жертвенный баран. Она обращает в свою веру. Она — нефть — и жертва, и божество в одном лице» (Там же, с. 317)), о ее парадоксальной бессубъектной субъектности («Нефть все время претендует на роль человека»), наконец, об ассоциации нефти с дочеловеческой тьмой («Нефть — тьма... Нефть — убийца» (Там же, с. 318)). Отдельный интересный вопрос: что стало источником всех этих образов? В какой мере это собственные интуиции поэта, а в какой — переосмысление тех вопросов, которые активно дебатировались в европейской и американской культуре 1990–2000-х? В эти годы Парщиков живет сначала в США, а затем в Германии и пристально следит за состоянием современной ему гуманитарной мысли и арт-среды, так что отголоски циркулировавших в то время идей вполне могут обнаруживаться в поэме.

Помимо теоретических набросков в письме можно найти описание сеттинга поэмы, более ясное, чем в самом ее тексте, где те же самые картины и образы представлены в зашифрованном виде. Автор сообщает, что многое здесь увидено как будто из окна поезда «Москва — Архангельск»: поезд на этом маршруте минует водораздел Валдайской возвышенности, «где часть рек берет начало и устремляется к югу, а другие бегут на север» (Там же, с. 316). Именно здесь поэт посещает видение, которое сформирует смысловой центр поэмы: «...меня в прямом смысле посетили ощущения прозрачности земной коры, и я видел ископаемые, залежи нефти, складки, где она находится» (Там же). При этом, несмотря на то что Хикмет путешествовал из Москвы на юг, а Парщиков — на север, используемая ими мотивная структура схожа: они оба воспринимают нефть через железнодорожную инфраструктуру, которая, в свою очередь, наиболее наглядно показывает масштаб нефтяного транспорта в духе упоминавшегося нарратива производственно-сбытовых цепочек, не говоря уже о том, что нефть также оказывается здесь самостоятельным актором. У обоих поэтов заметен один и тот же метонимический переход — поезд, осуществляющий связь между разными точками на географической карте, заменяется нефтью, текущей по нефтепроводу:

Жизнь моя на середине, хоть в дату втыкай циркуль.
Водораздел между реками Юга и Севера — вынутый километр.
Приняв его за туннель, ты чувствуешь, что выложены впритирку
слои молекул, и взлетаешь на ковш под тобой обернувшихся недр.

И вися на зубце, в промежутке, где реки меняют полярность,
можно видеть по списку: пары, каменюги и петлистую нефть.
Ты устался, как солдат, на отвязанную реальность.
Нефть выходит бараном с двойной загогулиной на тебя, неофит.

(Там же, с. 312)

³⁵ В издании не указана датировка письма, но по косвенным данным оно должно относиться к 2002 году.

Поиск нечеловеческих акторов – предприятие, в целом характерное для Парщикова с самого начала его пути – от ранней «Угольной элегии», посвященной, к слову сказать, Донецку, до поздних «Дирижаблей». Самый яркий пример в этом ряду – стихотворение «Деньги», написанное во второй половине 1980-х: финансовые потоки изображаются в нем как текучая и вязкая субстанция, во многом напоминающая о том, каким образом в следующем десятилетии он будет писать о нефти³⁶. Но кроме того, что и деньги, и нефть – самостоятельные нечеловеческие акторы, которых можно понимать в духе акторно-сетевой теории Латура, они также могут функционировать как симптом разорванности и расколотости опыта, невозможности вернуться к целостному представлению о *человеческом* субъекте³⁷. Сами эти субстанции, несмотря на свою тотальность или даже благодаря ей, лишены внутреннего смысла; они – загадка, которую нельзя разгадать не из-за ее сложности, а из-за отсутствия ответа.

И в случае Хикмета, и в случае Парщикова, несмотря на разделяющие их десятилетия, мы имеем дело с поиском своего рода новой глобальности, которая может противостоять локальной расколотости, но сам такой поиск оказывается следствием своего рода постколониального комплекса – ощущения себя пассивным заложником социально-экономических процессов, которые контролируются кем-то извне, и желания противопоставить этому внешнему контролю некоторую новую агентность. Здесь важно, что Парщиков провел детство в Донецке, городе со сложной колониальной историей, к которой он всегда относился с особым вниманием: одним из ярких свидетельств этого можно назвать, например, увлечение «славянским», то есть, по сути, украинским, барокко в 1980-е годы, вылившееся в поэму «Я жил на поле Полтавской битвы»³⁸. В этом смысле примечательно, что Хикмет в своем путешествии в нефтяную столицу Советского Союза проезжает мимо Донецка, который становится для него своего рода предвестием индустриальной революции.

³⁶ Подробнее см.: (Корчагин, 2022).

³⁷ Ср.: «...в этих строках (поэмы «Нефть». – К.К.) можно увидеть, как нефть возникает из катастрофы и вытесняет субъектность... И несмотря на суггестивность метафоры и регулярность акцентного стиха, так или иначе происходит расщепление субъекта между реальным и символическим пространствами» (Масалов, 2022, с. 110).

³⁸ Сам поэт вспоминает об этом увлечении так: «...в мой книгооборот просочился сборник “Славянское барокко” – это статьи о русской, украинской, польской и сербскохорватской поэзии, среди которых были работы о разных смысловых пределах схожих приемов, взятых из практики футуризма и барокко. Впервые я прочитал о барочной картине мира, о мифах этого стиля жизни и творчества. Одновременно я глубоко пережил отечественный футуризм, казавшийся мне раньше грубым направлением. Мне открылась и старая украинская литература, поэзия Ивана Величковского (книга которого у меня случайно оказалась), не говоря о том, что я получил энергию для восприятия языковых деформаций Виктора Сосноры» (Парщиков, 2019, с. 37–38; текст впервые опубликован в 1987 году).

стриального расцвета Баку. Так и Парщиков уже совсем в другую эпоху посредством образа нефти словно бы пытается связать воедино распадающееся пространство, чтобы найти место для человека среди глобальных сырьевых потоков. Но парадоксальность нефти как вещества в том и состоит, что ценой связности оказывается распад: смерть как причина формирования нефти как будто отравляет собой любую возможную связность, не позволяя субъекту обрести желаемую целостность.

Разделы 1 и 2 настоящего исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН; раздел 3 – за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205 («Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»).

Список литературы

- Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995.
- Асеев Н. Судьба поэта // Новый мир. 1951. №1. С. 229–231.
- Бабаев А. А. Назым Хикмет. Жизнь и творчество. М., 1975.
- Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. Л., 1964.
- Балаев С. Г. Нефть страны вечного огня. Краткий очерк по истории нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Азербайджана. Баку, 1969.
- Брейдо Е. М. Строгий тонический стих Алексея Парщикова // Труды ИРЯ РАН. 2022. №3 (33). С. 96–120.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Языки мира: тюркские языки. М., 1996. С. 18–23.
- Зелинский К. Л. Поэзия как смысл: Книга о конструктивизме / сост. и публ. А. К. Зелинского; предисл. Д. М. Давыдова. М., 2015.
- Калинин И. Русская петропоэтика: литературные продукты нефтепереработки // Неприкосновенный запас. 2019. №126. С. 219–254.
- Корчагин К. М. У истоков акторно-сетевой поэзии: «Деньги» Алексея Парщикова // Фигуры интуиции: поэтика Алексея Парщикова / сост. и ред. А. Е. Масалов. М., 2022. С. 159–165.
- Куртов М. Живая нефть исламских пустынь: как «Циклопедия» Резы Негарестани превращает миры друг в друга // Нож. 2020. 22 янв. URL: <https://knife.media/cyclonopedia/> (дата обращения: 20.02.2023).
- Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина. СПб., 2006.
- Лахути Л. Г. Путешествие как структурообразующее начало поэм 'Аттра // Orientalistica. 2021. Т. 4, №3. С. 768–799.
- Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: биография. М., 2012.
- Масалов А. Е. Диалог Language School и метареализма: поэмы «Sun» Майкла Палмера и «Нефть» Алексея Парщикова // Литература двух Америк. 2022. №12. С. 102–114.
- Наср С. Х. Философы ислама: Авиценна (Ибн Сина), Ас-Сухраварди, Ибн Араби / пер. с англ. Р. Псху. М., 2014.
- Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М., 2012.
- Негарестани Р. Циклопедия: соучастие с анонимными материалами / пер. с англ. П. Хановой. М., 2019.
- Орехов Б. В. Башкирский стих XX века. Корпусное исследование. СПб., 2019.

Орлицкий Ю.Б. Ранний русский свободный стих // Новое литературное обозрение. 2021. №167. С. 269–286.

Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. Томск, 2012.

Парциков А. Кёльнское время. М., 2019.

Реgev Й. Реза Негагестани: гусь на лоне вод // Неприкосновенный запас. 2019. №126. С. 12–23.

Руми Дж. Маснави-йи ма'нави («Поэма о скрытом смысле»). I дафтар / пер. с перс. Л.Г. Лахути, Н.И. Пригариной, М.А. Русанова, Н.Ю. Чалисовой. СПб., 2007.

Руми Дж. Маснави-йи ма'нави («Поэма о скрытом смысле»). IV дафтар / пер. с перс. Л.Г. Лахути, Н.И. Пригариной, М.А. Русанова, Н.Ю. Чалисовой. СПб., 2010.

Стеблева И.В. Тюркская поэтика. Этапы развития VIII–XX вв. М., 2012.

Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе / пер. с англ. А.А. Ставиской. М., 1989.

Фиш Р. Назым Хикмет. Этюды жизни и творчества. М., 1984.

Фиш Р. Служение истине несовместимо со служением власти. Перечитывая и вспоминая Назыма Хикмета // Вопросы литературы. 2000. №2. С. 216–230.

Хикмет Н. Жизнь прекрасна, братец мой / пер. с тур. А. Аврутиной. СПб., 2013.

Шраер М.Д. Легенда и судьба Эдуарда Багрицкого // Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 237–274.

Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М., 2020.

Ahmadov R. Azerbaijan serbest şiiri ve şairleri üzerinde Nâzım Hikmet etkisi // Mutad. 2019. VI (1). S. 1–14.

Andrews W.G. An Introduction to Ottoman Poetry. Minneapolis, 1976.

Chittick W.C. The Spiritual Path of Love in Ibn al-'Arabi and Rumi // Mystics Quarterly. 1993. Vol. 19, №1. P. 4–16.

Chittick W.C. Rumi, Jalāl-Al-Din // Encyclopædia Iranica. 2017 URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/rumi-philosophy> (дата обращения: 20.02.2023).

Clark K. Eurasia without Borders. The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943. Cambridge, 2021.

Djagalov R. From Internationalism to Postcolonialism. Literature and Cinema between the Second and the Third Worlds. Montreal, 2020.

Fuat M. A'dan Z'ye Nâzım Hikmet. İstanbul, 2021.

Hikmet N. Memleketimden insan manzaraları. Siirler: 5. İstanbul, 2002.

Kadir A. 1938 harp okulu olayı ve Nâzım Hikmet. İstanbul, 1967.

Kavlak A. «Bakü'ye gidiyorum ay balam»: Nâzım Hikmet'in Azerbaycan'daki izleri, 1921–1963. İstanbul, 2007.

LeMenager S. Living Oil. Petroleum Culture in the American Century. Oxford, 2014.

Leper Creativity. Cyclonopedia Symposium / ed. by E. Keller, N. Masciandaro, E. Thacker. N. Y., 2012.

Meyer J.H. Turks across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914. Oxford, 2014.

Meyer J.H. Red Star over The Black Sea. Nâzım Hikmet and his Generation. Oxford, 2021.

Morton T. Hyperobjects. Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis ; L., 2013.

Thiesen F. A Manual of Classical Persian Prosody. Wiesbaden, 1982.

Об авторе

Кирилл Михайлович Корчагин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора теоретического языкознания, Институт языкознания РАН, Москва, Россия / ведущий научный сотрудник сектора корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

E-mail: stivendedal@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3778-7252

Для цитирования:

Корчагин К. М. Нефть как пространство неперевода: Хикмет, Негарестани, Парщикова // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 52–73. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

PETROLEUM AS A SPACE FOR NON-TRANSLATION: HIKMET, NEGARESTANI, PARSHCHIKOV

K. M. Korchagin

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Kislovskiy, Moscow, 125009, Russia

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2, Volkhonka str., Moscow, 119019, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-4

In 1927, Nâzım Hikmet composed several poems based on his impressions of his visit to Azerbaijani capital, the city of Baku. They will be included in the collection Song of the Sun-drinkers (1928) and will soon be translated into Russian. The Baku cycle was one of the first attempts at a symbolic representation of petroleum in Russian poetry, in many ways foreshadowing the later poetics of the subject, which will develop on Russian material only in the 2000s. One can look at these poems by Hikmet as one of the first attempts to create a philosophy of petroleum, which will find its most large-scale embodiment in the philosophical novel "Cyclonopedia" by Reza Negarestani, where petroleum constitutes a new type of subjectivity, simultaneously fluid and explosive. On the other hand, the image of petroleum will play a key role in Alexei Parshchikov's poem of the same name, where one can also discern echoes of this philosophy in Hikmet's Baku cycle. For all these authors, petroleum acts as a radical expression of the logic of non-translation: it is a condensed memory of antiquity, which cannot be directly accessed; its mystery cannot be revealed because, in a sense, it contains no mystery. Such a paradoxical semiotics leads all three authors to the idea that petroleum is alien to the human world and has a special inhuman agency.

Keywords: non-translation, cultural accommodation, Nâzım Hikmet, Reza Negarestani, Alexei Parshchikov, semiotics of petroleum

The present study was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00429 (sections 1, 2) and project no. 19-18-00205 (section 3).

References

- Ahmadov, R., 2019. Azərbaycan serbest şiiri ve şairleri üzerinde Nâzım Hikmet etkisi. *Mutad*, VI (1), pp. 1–14.
- Altman, M.S., 1995. *Razgovory s Vyacheslavom Ivanovym* [Conversations with Vyacheslav Ivanov]. St. Petersburg (in Russ.).
- Andrews, W.G., 1976. *An Introduction to Ottoman Poetry*. Minneapolis.
- Aseev, N., 1951. Destiny of the poet. *Novyi mir* [A new world], 1, pp. 229–231 (in Russ.).
- Babaev, A.A., 1975. *Nazym Khikmet. Zhizn' i tvorchestvo* [Nâzım Hikmet. Life and works]. Moscow (in Russ.).
- Bagritskii, E., 1964. *Stikhotvoreniya i poemy* [Short and long poems]. Leningrad (in Russ.).
- Balaev, S.G., 1969. *Neft' strany vechnogo ognya. Kratkii ocherk po istorii nefte dobyvayushchei i neftepererabatyvayushchei promyshlennosti Azerbaidzhana* [Petroleum of the land of eternal flame. A brief essay on the history of the oil production and refining industry of Azerbaijan]. Baku (in Russ.).
- Breydo, E.M., 2022. Strict Tonic Verse of Alexey Parshchikov. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka imeni V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 3 (33), pp. 96–120, <https://doi.org/10.31912/pvrli-2022.3.6> (in Russ.).
- Chittick, W.C., 1993. The Spiritual Path of Love in Ibn al-'Arabi and Rumi. *Mystics Quarterly*, 19 (1), pp. 4–16.
- Chittick, W.C., 2017. Rumi, Jalāl-Al-Din. *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/rumi-philosophy> [Accessed 20 February 2023].
- Clark, K., 2021. *Eurasia without Borders. The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943*. Cambridge et al.
- Djagalov, R., 2020. *From Internationalism to Postcolonialism. Literature and Cinema between the Second and the Third Worlds*. Montreal et al.
- Etkind, A., 2020. *Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [Nature's Evil: A Cultural History of Natural Resources]. Moscow (in Russ.).
- Fish, R., 1984. *Nazym Khikmet. Etyudy zhizni i tvorchestva* [Nâzım Hikmet. Essays on his life and works]. Moscow (in Russ.).
- Fish, R., 2000. To serve the truth means not to serve authority. Re-reading Nâzım Hikmet. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2, pp. 216–230 (in Russ.).
- Fuat, M., 2021. *A'dan Z'ye Nâzım Hikmet*. İstanbul.
- Gadzhieva, N.Z., 1996. Turkic languages. In: *Yazyki mira: tyurkskie yazyki* [World languages: Turkic languages]. Moscow, pp. 18–23 (in Russ.).
- Hikmet, N., 2002. *Memleketimden insan manzaralari*. Siirler: 5. İstanbul.
- Hikmet, N., 2013. *Zhizn' prekrasna, bratets moi* [Life is beautiful, my brother]. Translated by A. Avrutina. St. Petersburg (in Russ.).
- Kadir, A., 1967. *1938 harp okulu olayı ve Nâzım Hikmet*. İstanbul.
- Kalinin, I., 2019. Russian petro-poetics: literary products of oil refining]. *Neprikosnovennyi zapas* [An inviolable reserve], 126, pp. 219–254 (in Russ.).
- Kavlak, A., 2007. «Bakü'ye gidiyorum ay balam»: Nâzım Hikmet'in Azərbaycan'daki izleri, 1921–1963. İstanbul.
- Korchagin, K.M., 2002. Around the origins of actor-network poetry: Aleskey Parshchikov's *Money*. In: A.E. Masalov, ed. *Figury intuitsii: poetika Alekseya Parshchikova* [Figures of intuition: Aleskey Parshchikov's poetics]. Moscow, pp. 159–165 (in Russ.).

Kurtov, M., 2020. Living oil from Islamic deserts: how Reza Negarestani's *Cyclonopedia* transform worlds into each other. *Nozh* [Knife]. Jan. 22. Available at: <https://knife.media/cyclonopedia/> [Accessed 20 February 2023] (in Russ.).

Lakhuti, L.G., 2021. The travel story as the structure-forming basis for Attar poems *Orientalistica*, 4 (3), pp. 768–799, <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-768-799> (in Russ.).

Latour, B., 2006. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We have never been modern. Essays on symmetric anthropology]. St. Petersburg (in Russ.).

Lekmanov, O. and Sverdlov, M., 2012. *Sergei Esenin: biografiya* [Sergey Yesenin: biography]. Moscow (in Russ.).

LeMenager, S., 2014. *Living Oil. Petroleum Culture in the American Century*. Oxford.

Keller, E. et al., eds., 2012. *Leper Creativity. Cyclonopedia Symposium*. New York.

Masalov, A.E., 2022. Dialogue between Language School and Metarealism: *Sun* by Michael Palmer and *Oil* by Aleksei Parshchikov. *Literature of the Americas*, 12, pp. 102–114, <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-102-114> (in Russ.).

Meyer, J.H., 2014. *Turks across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914*. Oxford.

Meyer, J.H., 2021. *Red Star over The Black Sea. Nâzim Hikmet and his Generation*. Oxford.

Morton, T., 2013. *Hyperobjects. Philosophy and Ecology after the End of the World*. Minneapolis; London.

Nasr, S. Kh., 2014. *Filosofy islama: Avitsenna (Ibn Sina), As-Sukhravardi, Ibn Arabi* [Philosophers of Islam: Avicenna, Al-Suhrawardy, Ibn Arabi]. Translated by R. Pskhu. Moscow (in Russ.).

Nasyrov, I.R., 2012. *Osnovaniya islamskogo mistitsizma (genezis i evolyutsiya)* [Origins of Islamic mystic (genesis and evolution)]. Moscow (in Russ.).

Negarestani, R., 2019. *Tsiklonopediya: souchastie s anonimnymi materialami* [Cyclonopedia: Complicity with Anonymous Materials]. Translated by P. Khanovaya. Moscow (in Russ.).

Orekhov, B.V., 2019. *Bashkirskii stikh 20 veka. Korpusnoe issledovanie* [Bashkir verse of the 20th century. Corpus study]. St. Petersburg (in Russ.).

Orlitskiy, Yu.B., 2021. Early Russian free verse. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 167, pp. 269–286 (in Russ.).

Orlova, O.V., 2012. *Diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontseptsa: zhiznennyi tsikl i miromodeliruyushchii potentsial* [Evolution of media-concept from the point of view of discourse and style: cycle of life and potential of world modelling]. Tomsk (in Russ.).

Parshchikov, A., 2019. *Kel'nskoe vremya* [Cologne Time]. Moscow (in Russ.).

Regev, Y., 2019. Reza Negarestani: A Goose on the water. *Neprikosnovennyi zapas* [An inviolable reserve], 126, pp. 12–23 (in Russ.).

Rumi, J., 2007. *Masnavi-yi ma'navi*. Vol. I. St. Petersburg (in Russ.).

Rumi, J., 2010. *Masnavi-yi ma'navi*. Vol. IV. St. Petersburg (in Russ.).

Shraer, M.D., 2000. Eduard Bagritskii's legend and destiny. In: E. Bagritskiy. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. St. Petersburg, p. 237–274 (in Russ.).

Stebleva, I.V., 2012. *Tyurkskaya poetika. Etapy razvitiya 8–20 vv.* [Turkic poetics. Phases of its development, 8th–20th centuries]. Moscow (in Russ.).

Thiesen, F., 1982. *A Manual of Classical Persian Prosody*. Wiesbaden.

Trimingham, J.S., 1989. *Sufiiskie ordeny v islame* [The Sufi orders in Islam]. Translated by A.A. Staviskaya. Moscow (in Russ.).

Zelinskiy, K.L., 2015. *Poeziya kak smysl: Kniga o konstruktivizme* [Poetry as Sense: The book about Constructivism]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Kirill M. Korchagin, Senior Researcher, the Department of Theoretical Linguistics, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Leading Researcher, the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, V.V.Vinogradov Russian Language Institute, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: stivendedal@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3778-7252

To cite this article:

Korchagin, K.M., 2023, Petroleum as a space for non-translation: Hikmet, Negarestani, Parshchikov, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 52–73. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))